

в которых жили вместе со своими шоферами и курочками.

Такой, совершенно необычных очертаний трехэтажный замок, а скорее солидный финский домик с башенками, балконами и верандами застекленными, вырос после заката советской власти и «на горке». Водопровод и газоснабжение в Деревне присутствуют. В огромном забетонированном подвале располагались генератор для автономного электропитания на случай отключения, пульт для регулировки отопительной системы, складские помещения и холодильная камера почти промышленных объемов. На участке также стояли гостевой домик на три спальни, баня, в которой тоже можно было не худо целой семье прожить, и избушка для сторожа. Гараж на две машины примыкал к непосредственно к главному дому.

Пока это чудо архитектуры строилось, некоторым жителям Деревни удалось неплохо подзаработать: и плотниками, и бетонщиками, и землекопами, и сторожами устраивались они на объект. Нового хозяина домика-пряника в Деревне видели всего несколько раз за три года, что велось строительство. А потом вдруг все как-то внезапно умерло, и даже разговоры про этот удивительный для Деревни проект сошли на нет: будто и не было ничего. В девяностые годы случалось так: и проекты многие незаметно умирали, и люди непонятно куда и как пропадали, будто и не было их.

Прошли и год, и два, и три. Стала уже уверенно зарастать вишняком и кустарником площадка на горке. Так бы и канул в небытие этот новый недостроенный деревянный замок вместе с дворовыми постройками, если бы не бдительные работники районного БТИ: выяснили они, что участок этот замечательный с некоторых пор стал принадлежать уважаемому господину Зеленцову Адольфу Николаевичу, банкиру, бизнесмену, а в недавнем прошлом еще и депутату законодательного собрания области. В общем, статус у него был так высок, что и губернатор не каждый день решался его беспокоить – что уж говорить про районное начальство. Стопроцентный олигарх, если под этим термином понимать сращивание власти и капитала. А вот девочки из сельского БТИ по простоте душевной могут и президенту Путину письмо написать, и у Господа Бога что-то уж совсем простенькое попросить, стоя на молитве в храме.

Инспектор районного БТИ, некая Елена Николаевна, подключив все свои связи и возможности, добралась до легендарного и загадочного Адольфа Николаевича и расписала ему со всею настой-

чивостью необходимость приехать в район и лично убедиться в существовании у него уникальной недвижимости в виде шикарного замка на горе. Невероятно, но Зеленцов согласился приехать на обследование своего собственного объекта, о существовании которого до того момента и не подозревал. Так же как он не знал и того, сколько у него бензоколонок в США и Чехии и какие кирпичные заводы принадлежат ему в Саратовской или Челябинской области. Такие семечки он не мог держать в памяти. Он рулил совсем другими по масштабам проектами, но рассказ о замке на берегу реки его заинтересовал.

Олигарх Адольф Николаевич был карикатурно выразителен внешне: и крупен, и кудряв, и энергичен. Он приехал на трех машинах, предварительно выяснив, что этот клочок земли в пару гектаров за околицей деревни и на берегу реки вместе с недостроенным коттеджем достался ему после раздела какой-то обанкротившейся фирмы, учредителем которой он был с самых что ни на есть незапамятных времен. С районным начальством общаться он побрезговал, но своих помощников за Еленой Николаевной в район послал.

Приехали с ним для осмотра объекта и охранники, и бухгалтеры, и землемеры, и архитекторы – а впрочем, точно никто и не знает, зачем такие компании собираются для незначительных и, в принципе, не деловых поездок. Может, планировали шашлыков на природе поесть или в бане попариться, но не получилось – не понравился олигарху домик-пряник на берегу реки. Река понравилась, заречные лесные дали понравились, лиственницы столетние понравились, а коттедж не понравился: что же это – даже бассейна нет. Он недолго раздумывал, а подозвал к себе своих помощников Егора Тимофеевича и Анну Евлампиевну.

– Друзья мои, – заявил он, – я все решил! Этот сарай и этот участок надо привести в божеский вид: без фанатизма, но и чтобы не стыдно было за фамилию Зеленцов. Наймите бригаду хорошую, и чтобы через месяц все было аккуратно и добротно сделано. Кусты выдрать, планировку под английский газон, травкой все засеять, дорожки проложить, обстановку купить, помещения в жилой вид привести. В гостевой домик поселите сторожа, какого-нибудь отставного майора, но чтобы он был еще и садовником, и электриком, и сантехником, и шофером. В общем – понимаете. Ты, Егор Тимофеевич, займешься этим. Объясняя: я хочу подарить этот домик с участком художнику Парахину Сергею Ивановичу. Помните та-

И вот только тогда, вполне рассудочным образом, Парахин решил, что надо несколько изменить свой образ жизни, чтобы не потерять сына, которому нормальный отец-мужчина в жизни нужен; он знал по собственному опыту, что такое безотцовщина, и делиться этим опытом ни с кем не хотел.

лантливой и любвеобильной дамы были и Пикассо, и Эренбург, и Сутин, и Модильяни, и Леже, и Дали. И к чему я это вспомнил, тоже не понятно.

Юля была не первым увлечением двадцатисемилетнего художника Сергея Парахина: был у него опыт общения с женщинами. Но, будучи воспитанником детского дома, выросший без отца и без матери, не привыкший и не приученный к домашнему быту, был он равнодушен и к домашнему теплу. А потому и создавать семью по принципу создания домашнего очага он не стремился, а точнее, не торопился, понимая, что это очередная и очень большая ответственность. Только вот мимо Юли пройти он не сумел, притом не как мимо очередной замечательной цели и приманки, а как мимо впервые рационально осознанного объекта, достойного для продолжения рода. И чувство это – желание стать отцом, иметь свое продолжение в виде ребеночка – родилось в нем внезапно и впервые. Причем это чувство возникло у Парахина именно при виде этой девочки, точнее, семнадцатилетней девушки Юли. Наверное, это был первый случай в его практике, когда не он становился объектом женского интереса, а наоборот. По крайней мере, ему так показалось.

Девушка из полноценной советской семьи, Юля приехала в Город из районного центра, где про-

живала с папой и мамой, учиться в консерватории на вокальном отделении. Как это ни странно, но все конкурсы, собеседования и прослушивания она прошла очень уверенно и была зачислена, и даже место в общежитии ей было выделено – она обладала удивительным голосом.

Пусть и не всегда, но очень часто жизненные коллизии поджидают молодых людей, сумевших вырваться из-под родительской опеки, в совершенно удивительной форме и в самом неожиданном месте. Окунувшись во взрослый, суровый и даже жесткий мир, они попадают в различные неприятные, не просчитываемые ситуации, выбираясь из которых им приходится часто ломать собственные устоявшиеся с детства стереотипы, а часто и принципы, уложенные правильно, как кирпичик к кирпичику, в их юных, не обстуканных жизнью головах. Естественно, что независимость от родительского дома и от семейного покровительства ищется в первую очередь, прямо или косвенно, в личной материальной самодостаточности.

Юля была маленькой, худенькой и бледненькой девочкой с толстой тяжелой русой косой почти до пояса. И в фигуре ее, и в манерах, и в походке было что-то подростковое и мальчишеское, и уж совсем не пахло там абсолютно никаким девическим кокетством. Она подошла к Парахину в коридоре художественного училища, где тот вел свой курс, и очень серьезно и даже строго обратилась к нему:

– Вы ведь здесь преподаете? Помогите мне! Я ищу подработку, и мне сказали, что у вас, в художественном училище, я могла бы получать какие-то деньги, работая натурщицей.

Голова у Парахина была занята в тот момент чем-то другим, и, пытаясь переключить свое внимание на девочку, задавшую ему вопрос, он долго тормозил, пытаясь сосредоточиться. Потом еще какое-то время сомневался – а не разыгрывает ли это его кто-то из его учеников? Но через минуту он понял, что тут все без шуток и по-взрослому.

А уже через год Союз художников выделил молодой семье Парахина отдельную двухкомнатную квартиру, где поселилась Юля с сыном Романом и своей приехавшей на помощь из района мамой, тещей Сергея Ивановича. А сам Сергей продолжил существовать в своей огромной, теплой и уютной мастерской: он к такому уже привык. Так что семье не получилось.

Просто Сергей, встречаясь раз в неделю с Юлей, аккуратно отдавал ей конвертик с деньгами. Дружить они дружили, и иногда Юля даже оставалась ночевать у Парахина в мастерской. А к сыну своему

Роману Сергей оставался холоден, пока тому не исполнилось три года, когда мальчик начал говорить, спрашивать, бегать и активно изучать мир.

И вот только тогда, вполне рассудочным образом, Парахин решил, что надо несколько изменить свой образ жизни, чтобы не потерять сына, которому нормальный отец-мужчина в жизни нужен; он знал по собственному опыту, что такое безотцовщина, и делиться этим опытом ни с кем не хотел. Собрать с майской белоснежной березы банку весеннего сока, сделать из сучка липы замечательный свисток, вырезать перочинным ножиком из сосновой коры кораблик и пустить его по озеру, а можно даже по дождевой луже – все это, как и многое другое, должен впервые для сына сделать отец. И Парахин это знал, хотя у него у самого всего этого в детстве и не было.

3.

Как-то мягко, с нарастающим безразличием, долго расходились Парахин с Юлей и все не могли развестись. Но сын оставался всегда важным центром притяжения, особенно когда он стал чуть постарше. Раз в неделю, а то так и раз в месяц забирал его Сергей на день – на два и уезжал то в Суздаль, то в Городец на какие-то странные экскурсии, а то так в лес за грибами, а иногда и на рыбалку. Главным было общение. В то же время у Юли появился новый вздыхатель. Это было очень естественно в ее положении безмужней жены. Парахин даже обрадовался такому факту, потому что грыз его иногда червячок виноватости, казалось ему, что он в чем-то обделил Юлю, недодал ей чего-то существенного, в то время как она дала ему все что могла.

А тут и его срок во второй раз жениться, видно, подошел: умер от сердечной недостаточности его старший товарищ, а в чем-то и учитель, Котов, прекрасный художник, специалист по мозаике, лет на тридцать старше Сергея он был. Выполнял он со своей супругой Светланой, ровесницей Парахина, тоже хорошей мозаисткой, большую работу по оформлению зала ожидания железнодорожного вокзала. Так на вокзале за работой и умер – сердце остановилось. Хоронили художника широко, всем городом, уважаемый человек был, а потом еще неделю в мастерских поминали его всем обществом артистически-художественным.

Многие семейные пары образуются по принципу общих профессиональных интересов. Особенно часто это можно встречать в среде врачей и артистов. Хотя и другие области человеческой деятельности

способствуют созданию хороших семейных пар. Так вот семья Котова была построена по принципу профессиональному.

Работу над мозаичным панно на вокзале надо было завершать, но то, что не справится с заказом Светлана одна, было очевидно. Вот так принял Парахин на себя в наследство незаконченную огромную мозаику и разбитую горем молодую вдову.

Работу они вместе выполнили. Утешил Парахин и вдову, а вскоре у них образовался сынишка Володя, симпатичный малыш. Только не интересно нормальному мужчине все эти маленькие детишки, пока они не начинают лопотать и спрашивать про что-то умное у родителей. А потому ушел Парахин и от Светланы к себе в мастерскую, как домой.

А уж кто подсунул ему третью жену, а точнее, и не жену, а уже просто очередную мамашу, и не знаю. Хотя для художника женская натура – не проблема: многие глупенькие девчонки не просто соглашались, а набиваются и напрашиваются попозировать хорошему художнику. А что – и портрет с твоей недолгой юной красотой в вечность может занурнуть, и всегда будет возможность похвастаться перед подружками, что позировала такому знаменитому художнику, как Парахин.

Только от таких вот позирований и становятся часто папашами художники и фотографы. Новую мамашу звали Леной, а мальчишку назвали Ленкой. Но если с Романом Парахин уже мог ездить на рыбалку, а с Володей пока что только раскрашивать картинки, то Ленке еще несколько лет надо было ждать внимания своего папаши, который пока что уделял его только молодой мамаше, финансируя все ее потребности и забавы.

А к сорока годам Парахин стал действительно знаменитостью, и побывал он во многих городах и странах с творческими командировками: Париже, Лондоне, Индии, Японии. У него появился свой узнаваемый почерк, техника, свои любимые колера с необычными оттенками, он наконец-то научился правильно работать с белилами и стал очень настойчиво и даже навязчиво использовать мелкие бытовые детали и живые формы в виде насекомых и бабочек. Он эти элементы использовал как в портретах, которые продолжал писать для заработка, так и в жанровой и в бытовой живописи, которая, как он сам любил повторять, писалась для вечности.

Пришли девяностые с бандитами, бизнесменами, новыми русскими. Но самое интересное, что среди них появилось очень много вынырнувших непонятно откуда молодых людей, совмещавших в себе эти качества: отсутствие страха крови в откровенно раз-

бойничьих разборках и фантастическая интуиция, а часто даже просто фарт, при совершении многомиллионных сделок. С одной стороны, сложно было обществу серьезно относиться к этой прослойке, а с другой – именно они и стали фундаментальной частью будущего общества. Очень быстро они поменяли красные клубные пиджаки и толстые золотые цепи на строгие темно-синие костюмы и галстуки «Бриони» за пятьсот долларов.

Портрет Зеленцова Парахин предложил написать ему сам – уж больно колоритной фигурой был Адольф Николаевич в свои тридцать восемь лет. Познакомились случайно, можно сказать, на улице или даже скорее в лесу.

Парахин вывез своих молодых ребяташек, студентов художественного училища, поработать на пленэре в Зеленый город, популярную зону отдыха недалеко от Города. Собралось шесть человек, ехали на парахинском минивэне; такая машина нужна ему была не для больших компаний, а для перевозки больших габаритных заказов. Полянку выбрали себе нетоптаную симпатичную, с видом на речку Кудьму и на заливные луга, упирающиеся в лес.

Очень крупный мужчина в пляжных босоножках, в бежевых шортах и в белой соломенной панаме подошел к ребятам спустя полчаса – только-только они расположились и начали работать. Он с любопытством и не торопясь обошел поляну, внимательно и молча рассмотрев все мольберты, после чего остановился около Парахина.

- Давайте познакомимся! – сказал он. – Я Адольф Зеленцов.
- Парахин Сергей, – представился Сергей и пожал незнакомцу протянутую руку.
- Вы тот самый Парахин? – удивился незнакомец.
- Да, наверное, тот самый, если вы это имеете в виду, – попытался пошутить Парахин.
- Да, я именно это имею в виду. Просто я думал, что на вашем уровне вы уже только шедевры пишете, а учить детей – это не царское дело.
- Нет, что вы – царскому делу должны учить своих детей цари, а работать живопись должны учить детей живописцы.
- Да, наверное, я с вами соглашусь, – отвечал незнакомец.

С погодой всем в тот день повезло: пусть не раннее, но пока еще утро, июнь, но не жарко, и солнце, и облачка.

- Скажите, Сергей, вы с ребятами на целый день тут расположились?
- Как получится, хотя по прогнозу днем дождик небольшой обещали.

– Я к чему: у меня сегодня день рождения – не юбилей, но тридцать восемь лет. А я вот сбежал из города от друзей и сослуживцев, сказавшись больным, соврал. И знаете, ведь день рождения – необычный день, и хочется каждый раз проводить его необычно. У меня к вам будет небольшая просьба. Вот за той загородкой, – Зеленцов махнул рукой в сторону леса, на кромке которого виднелся высокий глухой забор, – мой участок, и я приглашаю вас всех с ребятами ко мне на обед в гости. Это ненадолго, на часик, поедим шашлычков, а потом вы снова можете работать. Мне будет приятно, честно! Прошу вас. Сейчас десять, в час я вас всех жду. Как, не против?

– Я не против, надо ребят спросить. У нас ведь демократия теперь приветствуется. А вас как по батюшке?

– Николаевич я.

– Друзья, – Парахин уже значительно громче обратился к своим студентам, – нас в час дня приглашают на обед. Ситуация складывается таким образом, что мы не можем отказаться: у Адольфа Николаевича сегодня день рождения!

Послышались хоть и хлипкие, но аплодисменты, и кто-то крикнул «ура!».

Зеленцов пожал Парахину руку и, улыбнувшись, вразвалочку направился к себе на участок. Да и трудно представить себе человека, который бы при полутора центнерах веса ходил не вразвалочку. А минут через десять крепкий спортивного вида серьезный молодой мужчина в защитных брюках, тельняшке и зеленой бейсболке вынес в центр поляны две целлофановые упаковки с бутылочками минеральной воды «перье» и пепси-колы. Ребята уже все вместе закричали «ура».

Ровно в час команда молодых художников во главе с Парахиным отправилась в гости на шашлыки. За сплошным металлическим трехметровым забором находился двухэтажный, но не очень большой особняк. Перед ним на старательно выкошенной лужайке стояли в беспорядке с десяток пластиковых стульев и столы с незамысловатыми закусками: хлеб, зелень, несколько бутылок сухого вина да сотейники с разными видами острых приправ и соусов. Чуть в стороне высился сложенный из кирпича специальный огромный мангал, а может, даже правильнее это сооружение назвать печкой, потому что в чреве ее можно было зажарить барана целиком, и даже казан для плова был мудро закреплен сбоку на хитром крючке.

Запах, ни с чем не сравнимый божественный и терпкий запах шашлыков уже расстилался над лу-

жайкой и дразнил ноздри. У мангала орудовал тот самый серьезный военный мужчина, который выносил молодежи воду и пепси-колу.

Обед с шашлыками прошел замечательно. Парахин разрешил своим ребятам выпить с виновником шампанского, он бы сам тоже что-нибудь мог тут употребить, причем покрепче, но был за рулем. Ребята догадались подписать Зеленцову свои только-только написанные этюды, не забыв предупредить его, чтобы он дал им сначала подсохнуть и только после этого отнес в багетную мастерскую.

Прогуливаясь по участку, Парахин обнаружил за домом небольшой, ну совсем небольшой огороδικ с луком, укропом, петрушкой, салатом и прочими травами, названий которых он даже не знал. И, когда Зеленцов застал его за растиранием листиков какой-то незнакомой ему травы в пальцах и обнюхиванием, он быстро и кратко прокомментировал свой интерес к этому огородику, удовлетворив любопытство художника:

– Почти все можно купить на базаре: и мясо, и курицу, и картошку, и капусту, и все-все-все. Но вот зелень, которую мы используем для стола: укроп, лучок, базилик, петрушка, спаржа, салат и многое другое – она теряет свои первоначальные вкусовые и ароматизирующие качества в течение пятнадцати-двадцати минут после ухода с грядки. Так что я предпочитаю зелень свою – это нехлопотно и радует. Так же, как грядка клубники у меня вот тут небольшая – люблю ягоду прямо с куста иной раз сорвать.

Зеленцов взял Парахина под руку и повел по участку. Его любовно обработанный огороδικ заканчивался двумя небольшими, метров по шесть, полосами с клубникой. Ягоды были крупными, алыми, словно пластмассовыми, а листья кустов застыли уральским малахитом, покрытые плотным глянцем. Порхали бабочки, гудели шмели – Парахин словно провалился на мгновение в свой, только что его воображением созданный мир, но тут же вынырнул.

– Я хочу, Адольф Николаевич, написать ваш портрет.
– В смысле?
– А в том смысле, что я прошу вас мне попозировать пару-тройку раз.
– Ну, я не против. Только завтра я в Германию и в Швейцарию улетаю, а вот вернусь – и готов!
– Мне надо будет с вами три сеанса поработать и вот тут на травке три-четыре часика посидеть. А может, чуть-чуть и побольше.
– Да господи, договоримся.
Портрет был готов уже в августе.

Во-первых, он был необычной для портретов конфигурации: горизонтальный, метр на полтора, а во-вторых, и это главное: Зеленцов был на портрете изображен босиком. Адольф Николаевич в полотняных слаксах и майке-футболке полулежал, то есть сидел, но облокотившись или даже привалившись как-то очень удобно на локоть между двумя грядками клубники, и перед ним лежала его соломенная панاما, наполненная алыми сочными ягодами. Парахин уложил Зеленцова на картине так, что голая пятка его торчала и буквально выпирала из холста, оказавшись в левом нижнем углу. На этой голой пятке и по всей ноге можно было, по крайней мере, хотелось разглядеть не только вены, но и волосики и трещинки. Лицо Зеленцова было задумчивым, он витал где-то в облаках, держа в руке надкусанную крупную ягоду. И при всей мощи его фигуры, которую прямо-таки излучала картина, было что-то детское, наивное и беззаботное во взгляде героя.

Следуя своей первоначальной задумке, Парахин утрировал и даже несколько шаржировал все черты Адольфа Николаевича, укрупняя их, но не так, чтобы это сразу бросалось в глаза зрителю. Красные ягоды, каплями и причудливыми алыми фонариками вылезавшие вдоль грядок, были тоже чересчур крупными и яркими, изумрудные листья – излишне зелеными и блестящими, а домик-особнячок, разместившийся на заднем плане, выглядел нарочито игрушечным и маленьким. Очень хотелось оживить работу: над той натуральной естественной грядкой клубники шумели и летали во множестве пчелы, шмели, бабочки, но переносить их на холст художник не хотел: уж очень казалось это ему или вторичным по отношению к чему-то уже давно написанному, или даже подражательным. А вот живая улитка с маленьким домиком-ракушкой на спине с выпущенными рогами, ползущая по краю голой пятки, – это то, что надо, и получилось! И даже Адольф Николаевич остался доволен.

И не просто доволен: портрет был повешен в главном офисе конторы, где чаще всего у него проходили деловые переговоры с партнерами и контрагентами. Стал портрет с некоторых пор свидетелем многих серьезных действий и даже поступков Зеленцова. А Зеленцов невольно сопоставлял теперь свои действия и слова с характером того мужчины на портрете, лежащего на грядке с клубникой, с которым он сам себя часто сравнивал, но никак не мог отождествить. Характер у того мужчины на портрете был особый, и Адольф Николаевич никак не мог его раскусить.

Он постоянно ощущал, что Парахин что-то хотел ему сказать этим портретом, через этот портрет, но вот что – он пока что сформулировать точно не мог, а может, и смог бы, да пока не хотел. А также он постоянно физически ощущал, как меняются люди, размягчаются, раскрепощаются, видя за спиной хозяина кабинета этот его необычный портрет.

Хотя сам Зеленцов скоро стал понимать, что присутствие портрета ощутимо влияет и на него: нет, тут не было ничего похожего на мистику или метафизику, и не было никакого желания искать аналогии с «портретами» Уайльда, Гоголя или Гофмана, хотя он и приказал своим помощникам принести книжки этих авторов и потратил целый вечер на ознакомление с великими текстами. Даже «Свет погас» Киплинга перечитал, хотя и не было там никакого портрета. Правда, своим друзьям, которых у него не было, и своим родственникам, которых у него также не было в обозримой близости, он бы не стал рассказывать, что с некоторых пор стал советовать сам с собой, то есть с портретом. И ничего предосудительного он в этом не видел, хотя и задумался – умные люди часто разговаривают сами с собой. Притом – вслух.

Интересно, что после одного из таких разговоров со своим «неправильным» изображением Зеленцова буквально озарило: он понял, что ему все меньше и меньше хочется относиться к своему бизнесу как к игре, в которой приходится соперничать на финансово-юридическом поле с какими-то конкурентами или с какой-то серьезной компанией, и всегда с единственной, но вполне примитивной целью – увеличить свое состояние, заработать. Напомнило это ему почему-то разборки и терки девяностых, только юридическое поле тогда было другое, а результат тот же.

А не заманчивей ли попытаться построить некую новую, желательную экономически открытую, что-то производящую структуру, от которой жизнь и материальный достаток десятков и даже сотен тысяч занятых в ней людей, своей деятельностью замкнутых на нее, будут зависеть только от тебя. Но тогда нужны рычаги власти. А значит – нужны свои политики.

4.

Если Зеленцов рос-рос да и вырос до таких размеров, что и с губернатором мог уже через губу разговаривать, и депутатов своих в городской думе у него было сколько-то, то и Парахин с годами только в силу творческую по-настоящему вошел,

и вкусил, и почувствовал уже славу и уверенность настоящую. Он уже не нуждался в чьей-то посторонней оценке своих работ, а особенно хвалебной: все он сам о них прекрасно знал, а потому и к разного рода наградам и премиям относился привычно и равнодушно, как к чему-то само собой разумеющемуся.

Неожиданный телефонный звонок незнакомой дамы, представившейся Анной Евлампиевной, которая с ним говорила тоном, не ожидающим возражения, поначалу удивил Сергея Ивановича, но тут же порадовал теплым воспоминанием десятилетней или даже больше давности, когда он услышал имя Адольфа Николаевича Зеленцова от него лично.

- Сергей Иванович, меня зовут Анна Евлампиевна, и я беспокою вас по поручению господина Зеленцова. Помните такого?
- Конечно, помню, и знаю, и уважаю. И могу сказать, что мы с ним регулярно общаемся: не дальше как лет пять назад я поздравлял его с Пасхой. Это у меня юмор такой!
- Сергей Иванович. – Анна Евлампиевна пропустила юмор мимо ушей. – Адольф Николаевич поручил мне свозить вас в Воскресенский район и ввести вас в права собственника небольшой студии, которой вы сможете уже с сегодняшнего дня распоряжаться по своему усмотрению. Вы можете возить туда своих студентов и студенток, писать там свои гениальные шедевры, сдать в аренду или просто продать. Главное, что мы с вами должны выполнить поручение Адольфа Николаевича, и чем быстрее, тем лучше.
- Анна Евлампиевна, мы с вами, конечно, выполним поручение Адольфа Николаевича. Безусловно, выполним. Вы оставьте мне ваш номер телефона, и я вам позвоню на днях, когда буду посвободнее. Вот тут у меня на дисплее мобильного высветился номер – это ваш? Я смогу по нему вас разыскать?
- Вы меня не поняли, Сергей Иванович, он поручил мне сделать это все быстрее и лучше. Завтра в девять утра я буду на машине стоять напротив вашей мастерской. И так вся эта история затянлась: надо было оформить все эти документы еще осенью. Получу я от него еще из-за вас.
- Хорошо, я жду.

Парахин, когда в телефоне услышал отбой, сразу даже не понял: как и почему он согласился куда-то поехать завтра с какой-то незнакомой женщиной. На завтра у него назначена встреча, и завтра – почти последние, очень важные занятия в училище: идет май месяц. Но он быстро успокоил себя тем,

что все это делается по просьбе Зеленцова, а внутренний голос еще подсказывал, что с таким людьми, как Адольф Николаевич, надо дружить, а уж если и не дружить, то по крайней мере быть очень внимательным к их просьбам, которые и случаются-то, возможно, раз в жизни. Правда, тот же самый внутренний голос говорил ему еще и то, что женский голос, который только что он слышал по телефону, не обычный, а волшебный и даже колдовской. Потому что вот прошло двадцать минут, а он все еще не может понять, как он согласился ехать в далекий Воскресенский район непонятно с кем и зачем.

На другой день все сомнения Парахина по поводу целесообразности предпринятой поездки у него совершенно отпали. Во-первых, и что немаловажно, – мужеподобность и безумные габариты спутницы не отвлекали его, а наоборот – несмотря на разговоры, вдруг позволили сосредоточиться на красотах майской буйной проснувшейся природы. Во-вторых, благодаря такой сумасшедшей яркой весне он неожиданно сам на себя посетовал, с сожалением определив, что нет у него внутренней привычки радоваться особенностям каждого времени года.

Анна Евлампиевна, несмотря на неблагоприятные внешние данные, оказалась собеседницей и образованной, и умной, и благоразумной. За полтора часа поездки она совсем не утомила Парахина своими разговорами, а чем-то даже заинтересовала. Как только он сел в машину и они пожали друг другу руки, помощница олигарха начала объяснять позицию Зеленцова по отношению к Парахину.

– Уважаемый Сергей Иванович, я повторюсь. Мы сейчас едем в Деревню и осматриваем участок и дом, которые передаются в ваше полное распоряжение: можете там жить, можете его продать, можете там школу живописи открыть, и тогда финансировать ее существование на сто процентов согласен Адольф Николаевич. Документы на вас уже все оформлены, и моя задача познакомить вас с объектом и вручить вам свидетельство о собственности.

– А где эта Деревня? – поинтересовался мимодумно Парахин, садясь в машину.

– Тут недалеко – полтора часа по весенней красивой майской дороге. Поболтаем. Вы не против – чуть-чуть поболтать?

– Конечно, не против. Поболтаем.

По городу покружили минут двадцать и вырвались на трассу. Пригородные деревни все утопали в цветущих вишнях, и навалившиеся на ограды пышные кусты сирени не уступали им в наполненности.

А потом вдоль натянутой струны дороги встали еловой стеной знаменитые заволжские леса, перебиваемые кое-где нежными березовыми перелесками.

– Вот возник у меня тут вопрос, и пока что я его для себя не разрешила, – поудобнее развалившись, начала Анна Евлампиевна, – хочется услышать ваше профессиональное мнение, с той стороны баррикад – ведь я-то на этой стороне, на стороне Зеленцова, на стороне мецената. Хотя я и не всегда бываю на стороне меценатства. Да и, конечно, это не баррикады, а скорее рабочий стол. Лично вы – как вы относитесь к требованиям некоторых мастеров искусств увеличивать финансирование отраслей человеческой деятельности, связанных с творчеством? Наверное, все же это не отрасли! В общем, кое у кого есть пожелание помочь в финансовом плане на государственном уровне писателям, поэтам, художникам, композиторам и так далее. Есть ли смысл нашему государству влезать в эту тему? Я очень часто слышу от (даже не знаю, как их назвать) наших господ или товарищей сетования по поводу полной нищеты и даже катастрофического положения в отдельных сферах культуры, в смысле их недофинансирования. Уж очень расстраиваются они по поводу отсутствия у нас в стране спонсоров и меценатов уровня Третьякова, Шуккина или Мамонтова.

– Ой, Анна Евлампиевна, хочется мне таким господам указать, что и Третьяковы, и Савва Морозов, и Шуккин тратили на все эти свои забавы, связанные с коллекционированием живописи и благоустройством театров, пусть и свои денюжки, только заработали-то эти денюжки своим потом и чужой кровью их папаша. Да-да – кровью: душегубами все отцы их были первозрядными. А вот сыночки их, детушки, позаканчивали в Европах университеты, а став богатыми наследниками, уже легко и меценатами стать. Только думаю, что папенька у братцев Третьяковых в гробу переворачивался, когда его детушки эти картинки у нашего брата, нищих художников-алкашей скупали. Так что, я думаю, что у наших новых русских, многие из которых свои состояния тоже на крови в девяностые сделали, детишки сейчас в Лондоне да Праге учатся. А вот когда они выучатся и домой на родину из оксфордов и кембриджей вернутся, а они обязательно вернутся, то, может, и они меценатами для некоторых деятелей искусств будут. То есть два поколения надо ждать.

Строили наши дореволюционные благотворители и водопроводы, и театры, и фонтаны, и фуникулеры. Только не надо ставить памятники им, этим нашим нижегородским оберворам и казнокрадам перво-статейным, купцам первогильдейским: Бугровым, Блиновым и Башкировым. А то ведь ума у начальства хватит. Так ведь и Ходорковскому кто-нибудь когда-нибудь что-нибудь поставит за то, что он какую-то там необычную школу-интернат для одаренных детей построил.

– Я вам немного возражу: они создавали рабочие места, тысячи рабочих мест, они кормили народ, и купцы первогильдейские, и миллиардеры наши новоявленные – никуда тут не денешься. И все же вы считаете, что государство не должно материально поддерживать всех, кто причислил себя к деятелям искусств?

– Нет, среди тех, кто причислил сам себя, полно бездарей. Детишек – да, всех повально надо поддерживать: музыкальные школы, спортивные школы, училища, конкурсы, фестивали для них надо устраивать. Причем поддерживать надо без надежды, что кто-то из них станет мастером. А вот деятелей искусств, в кавычках, – нет, не надо! Это будут снова творческие союзы писателей или художников, куда войдут все, у кого есть хоть какие-то мало-мальские способности, и даже без способностей, но от которых государство будет иметь право после этого требовать результаты, причем на идеологическом фронте и на благо государства. Эти союзы, созданные сверху, будут всегда находиться под жестким контролем определенных государственных органов. Не буду их называть по имени. А потому я за меценатство! Меценат, как правило, разбирается или хочет разобраться в области, в которой он желает улучшить положение или состояние. Просто нельзя требовать от человека участия в тех проектах, которые для него далеки или которые ему по крайней мере не интересны. Вот у меня есть хороший товарищ Иван Николаевич, серьезный руководитель, который построил в своей родной деревне церковь, большой храм. А это – миллионы и миллионы, если говорить о деньгах. А вот другой бизнесмен, бывший спортсмен Юрий Александрович, профинансировал поездку наших хоккеистов из «Торпедо» на ветеранский турнир в Чехию: и два автобуса арендовал, и гостиницу в Праге оплатил, и питание, и проживание. Так что – кому что интересно. А зачем тот же Иван Николаевич или Юрий Александрович будет из-

давать книгу никому не известного поэта или устраивать выставку какому-то непонятному художнику?

5.

Свернули с трассы на проселок. В оврагах под зеленеющими березками и кустами ив, свесившими свои желтые в пыльце сережки, кое-где еще сохранились последние язычки не до конца растаявшего серого снега. Проехали по дамбе, вдоль небольшого деревенского пруда и сразу уперлись в обрывистую глиняную стену.

– Вот там, на вершине этой горки, и стоит ваш домик, – объявила Анна Евлампиевна, снова забывая руководство в свои руки, – а направо дорога к реке – тут метров сто. Мы с вами сейчас поднимемся по главной улице в Деревню, там развернемся и мимо магазина, через школьный двор заедем на ваш полигон. Размер участка почти два гектара – не тесно. Мобильная связь тут есть, вай-фай уже подключен.

Деревенская улица была пустынная, и на школьном дворе никого не было. Но приехавших гостей встречал серьезный и бородатый мужчина лет пятидесяти с небольшим гаком в какой-то охотничьей униформе: и брюки, и куртка, и короткие резиновые сапоги были у него защитной армейской раскраски.

– Степан, – представился он и протянул Паряхину руку.

Паряхин пожал руку и спросил:

– А мы с вами?..

– Да-да, мы с вами уже встречались лет десять назад в Зеленом городе у Адольфа Николаевича. Вот – отправили меня на пенсию. Или на заслуженный отдых – не знаю. Сказали, что для осуществления безопасности тела значительной личности стал я уже стар. Денежное довольствие сохранили, и, если я вас устрою, то... И работу подбросили непыльную – «кухонный мужик» называется. В общем, обиженный я. Вы прогуляйтесь ненадолго вон туда, – Степан махнул рукой, – там или на скамеечке, или в беседке посидите, на речку полюбуется. А я пока на стол соберу.

– Анна Евлампиевна, пойдёмте, вместе прогуляемся, полюбуемся, а вы мне еще кое-что и расскажете.

Прошлись сначала на обрыв с вековыми лиственными: воздух там стоял, наполненный духом хвойным, и поскрипывало где-то в вершинах.

– Говорят, что тут грибы в этом старом лесу каждый год вылезают. Мы тут поздней осенью были и ничего не видели, – оглядываясь вокруг, за-

метила Анна Евлампиевна, – а сейчас еще рано – может, через месяц.

Прошлись вдоль обрыва до пологого спуска, идущего к реке. К реке вела новая, только что построенная (видно было) деревянная добротная сработанная лестница, теряющаяся в невероятном тоннеле, прорубленном сквозь заросли ивняка и еще каких-то кустов.

Уселись на широкой огромной скамье, сделанной из аккуратно оструганной полуплахи старой сосны. Вода в Реке еще не до конца спала после половодья, она потоком неслась. Легкий низовой ветер возбуждал небольшие беляки, а слепящее майское солнце, поднявшееся к полудню, пронизывало их – Река завораживающе играла.

– Что-то я устал. И по жизни устал, и сегодня устал. Наверное, я приму ваш подарок, Анна Евлампиевна. Точнее, подарок Зеленцова. Что-то и в этом месте, и во всей этой ситуации и операции, в которую вы меня втянули сегодня, есть сказочное и фантастическое. Но все же какой-то червячок грызет: то ли неудобно, то ли стыдно, то ли оправдываться не знаю, как буду. Главное – перед кем оправдываться? Я ведь детдомовский: ни в детстве, ни сейчас угла своего жилого не имел и не имею – в общежитиях да в мастерских всю жизнь и живу, и работаю. Квартиру от государства поимел, но жене с сыном оставил. Ел всю жизнь в столовках да в ресторанах или – бутерброд с чаем. Сам себе всю жизнь трусы с носками стирал, а можно подумать, что, если лауреат и состоятельный человек, так за ним особый уход всегда! Да – состоятельный, но барской жизнью никогда я не жил. Даже не барской, а нормальной, человеческой. Да, деньги были, и большие, но всегда все детям и женам отдавал. Только работа и сыновья!

Вы знаете, Анна Евлампиевна, что у меня есть три замечательных сына? Жен нет, а сыновья есть! И мы с ними очень хорошо дружим вчетвером: три сына и отец. Но главное, все три матери этих троих моих сыновей про эту дружбу знают и не возражают, а так же, как и я, радуются. Я с ними, этими бывшими женами, тоже поддерживаю хорошие отношения – они умные женщины. Вы знаете, главное качество, за которое я женщин люблю, – это ум! У всех женщин все-все-все совершенно одинаковое, и только то, что у них в головах, – разное и интересное. Так вот, самое главное то, что ребята мои дружат и без меня, втроем, сами по себе и между собой.

Я ведь с молодых лет понял, что жизнь художника, а, в общем-то, как и жизнь людей многих других

творческих профессий, не располагает к семейной жизни. Знал, а потому и от своего холостячества не очень страдал. А сыновьям отдавал все что мог. Я имею в виду, конечно, не деньги, а время... и мужское внимание, и мужские навыки, и мужской опыт. До двух лет все эти мальчишки были мне неинтересны, до двух лет им нужны заботы материнские да титька, а вот с двух и до семи, да и дальше, мальчику нужен отец и серьезное мужское внимание. Я где-то читал про это и верю.

И вот мы с моими пацанами: одному – тридцать, второму – двадцать, а третьему – пятнадцать лет, каждое лето проводим неделю вместе. Ставим на берегу реки большую армейскую палатку, и это так здорово. Но годы берут свое. К тому же, по-моему, я смогу здесь поработать.

Мне надо позвонить им, чтобы они приехали сюда, посмотрели, а тогда уж мы все с вами и решим. Хотя я знаю, что они одобрят и им все понравится. Надо еще собрать их: старший – военный летчик, только что из какой-то непонятной очередной командировки вернулся, еще не виделись, второй в Хельсинки учится, какую-то экономическо-финансовую академию в этом году заканчивает уже, а младший с мамкой в Городе. Надо и Адольфа Николаевича попробовать сюда вытащить на ушицу. Но ведь время у нас с вами терпит, Анна Евлампиевна?

– Конечно, терпит. Тем более я доложу, что вам все понравилось.

– Я тут и не смотрел еще пока ничего, чтобы мне что-то понравилось. Просто пойдете чай пить. Или, может, чего-нибудь покрепче Семен найдет по такому случаю.

6.

Какое-то раздражение, может быть, даже тихая злость на самого себя постепенно стали наполнять Парахина. Начиная со вчерашнего вечера или начиная с этого вчерашнего вечернего телефонного звонка, ведут его, как теленка, на веревке – и все ему нравится, и со всем он соглашается. Надо побыстрее эту помощницу Зеленцова напоить чаем да выпроводить домой. А потом уже поговорить с Семеном, тяпнуть с ним по рюмке и пойти прогуляться до речки. Только надо договориться, чтобы за ним завтра приехали. Интересно, что Парахин уже год задумывался о покупке домика в деревне на берегу реки. А тут... просто судьба.

Анна Евлампиевна быстро разгадала состояние Парахина и, выпив чашку чая, быстро засобирилась и отправилась на машине в город, домой, отдав

Все ему нравилось в этом доме, и совесть его не тревожила по поводу несоответствия такого значительного подарка со стороны Зеленцова его личным творческим заслугам. Подумаешь, что для Зеленцова этот подарок: словно крошек хлебных накрошил голубям. С другой стороны, куда торопиться-то: можно и завтра позвонить, а можно и через неделю — никто его не убьет.

краткие распоряжения Семену, но тот и сам уже понял, что с сегодняшнего дня у него появился еще один хозяин.

— Сергей Иванович, — уже на пороге обратилась Анна Евлампиевна к Парахину, — я жду вашего телефонного звонка или сегодня вечером или — край — завтра утром. Поймите правильно: мне надо с этим мероприятием развязаться и заниматься серьезными делами.

— Хорошо, хорошо, я все понял и все сделаю к вашему полному удовольствию. Мне же тоже надо посоветоваться, у меня же тоже есть семья, пусть и не полная, но все же, как-никак, три сына, — отвечал Парахин.

Как только Евлампиевна уехала, Парахин обратился к Семену, своему новому товарищу, наверное, его лучше всего все же называть так.

— Семен, я не знаю, как часто нам с тобой придется общаться, но давай сразу договоримся, что я тебя буду звать по имени и на «ты». И тебе рекомендую тоже меня звать на «ты».

— Ну, это я не знаю, Сергей Иванович, это уж как

получится. Не привык я солидным людям тыкать.

Сидели за столом на первом этаже, на большой широкой застекленной веранде, фонарем или носом какого-то фантастического корабля выступавшей из тела домика, а внизу, как под корабельной рубкой, исполняя роль глади морской, стояли заросли только-только просыпающегося лилейника. Выпили по рюмке. Потом гуляли по дому. Парахин понял, что для того, чтобы войти в курс дела, гулять надо не один день.

На втором этаже, над этой застекленной верандой, был открытый балкон с перилами, которым можно было в летние дни пользоваться: пить чай, или загорать, или писать этюды — ставь мольберт и пиши. Но ведь майские вечера непредсказуемы: бывают и холодные, бывают и теплые. Парахин с Семеном спустились вниз. Там, на застекленной веранде, все было сделано капитально, и можно без проблем жить зимой. Семен затопил камин.

— Сергей Иванович, я камин не для тепла зажег, а для уюта. А вы, если надумали на речку сходить, то в конце нашей английской лужайки есть хорошая добротная лестница — она идет прямо на берег. А можно обойти магазин со школой и выйти к речке мимо пруда. Пруд у нас тоже красивый, летом он весь в кувшинках. Меня ведь Зеленцов не просто так сюда пристроил — эта деревня родная моя. Когда Зеленцов про то узнал, то как ребенок обрадовался: а то — на государственную копеечную пенсию ему меня выкидывать неудобно, а тут вдруг должность для меня придумалась сама собой солидная с заботами и с окладом достойным. А в Деревне у меня тут и две сестры живут, и племянники, и еще полно родни всякой, как и положено.

Река шумела, играла, весенний паводковый поток был бурным, струи обгоняли друг друга, сталкивались, разбрызгивая солнечные отражения в воздух. Но весь этот шум бурлящего потока не мог заглушить весеннее любовное пение птиц, которые надрывались. До пруда, который находился в паре километров от реки, Парахин тоже дошел — кувшинок он не разглядел: то ли уже спрятались на ночь, то ли вообще еще не вылезли, рано еще.

Вечером снова сидели за большим столом в комнате с камином, ели гречневую кашу, запивали молоком. За молоком Семен сходил в Деревню, глиняная кринка посередине стола выглядела очень колоритно.

— А что, Семен, деревня здесь большая? Вот, кроме дачников, сколько здесь человек живет постоянно?

– Ой, Сергей Иванович, это же очень просто. Надо спрашивать – какое в этой деревне стадо? Вот в нашей Деревне стадо сорок коров и еще всякая мелочь. Вот и считай, сколько зимой изб греются, живут. Наверное, с сотню домов – это точно! Корову же ты не заберешь с собой в город, да и на балконе ее не поселишь. Так что деревня наша большая, крепкая, живая.

Парахин понимал, что надо звонить и сыновьям, и Анне Евлампиевне – надо было советоваться и сообщать о принятом решении. Все ему нравилось в этом доме, и совесть его не тревожила по поводу несоответствия такого значительного подарка со стороны Зеленцова его личным творческим заслугам. Подумаешь, что для Зеленцова этот подарок: словно крошек хлебных накрошил голубям. С другой стороны, куда торопиться-то: можно и завтра позвонить, а можно и через неделю – никто его не убьет.

Парахин привык за свою многолетнюю сложную жизнь селиться и в палатках, и в рабочих бараках далеких сибирских строек, и в общежитиях, и в домах творчества. Он приезжал, селился и начинал работать. Но никогда он не задумывался о собственности, точнее, о стоимости собственности. И сейчас, сидя за этим большим столом с кружкой молока и тарелкой гречневой каши, он еще не понимал, что ему на голову свалился дорогой подарок стоимостью в миллионы и что надо будет за ним присматривать.

Вышли вдвоем на крылечко, посидели, покурили, черемуховые холода уже отступили, и стояла настоящая летняя теплая ночь. Внизу, под горой в зарослях вишняка, зашелкали два соловья.

– Зря ты, Семен, камин так раскочегарил. Говорил, что майские ночи холодные, а вон оно как. Тепло!
– Так это я раскочегарил не для тепла, а для образца, для наглядности. А у вас тут в спальне на первом этаже совсем не жарко. Так еще и окошко можно открыть. А я живу в своем домике. Пойду я?
– Иди!

Не спалось. Майская светлая ночь волновала своими тенями. Полная луна тоже беспокоила, уставившись прямо в окно. Она беспокоила, возбуждала непонятные фантазии и не давала уснуть – Парахин так и пролежал всю ночь с открытыми глазами. Соловьи совсем с ума сошли и замолкли лишь на рассвете.

7.

Роман приехал к обеду на своем «Патриоте».

Парахин обнял старшего сына.

– Как добрался? Легко нашел?
– Легко. В каждой деревне по дороге сюда я спрашивал: «А не видели ли тут народного художника, академика Парахина?» И в каждой деревне мне отвечали, что видели, и показывали куда-то в сторону.

– Все шутишь?
– Батя! А чего же не пошутить-то. Ты выглядишь молодцом. А утром, когда ты позвонил, я забеспокоился: уж не случилось ли чего? И пацаны разволновались, они сейчас подтянутся: у Володьки занятия в университете в Финляндии неделю назад закончились, он в городе. Он за Ленкой на своем «фольксвагене» заедет, и они через час тут будут. Так что рассказывай – что у тебя за проблема? Может, и без пацанов решим?

– Нет, мальчиков дождемся. А ты давай молочка криночку оприходуй да с хлебушком местным. Пекарня у них тут своя замечательная. Вчера я не обратил внимания, а вот с утра Семен сегодняшней выпечки буханку принес, так я ее оценил!

Уселись за стол на веранде и разлили по кружкам молоко. Застекленные рамы распахнули настежь, птицы чирикали оглушительно – день обещал быть теплым.

– Ты мне расскажи про войну про свою. Где ты там воевал теперь – в Сербии или в Африке какой-нибудь?

– Батя, мужчины про войну не рассказывают, про свою войну – тем более. Про войну Льва Николаевича Толстого или про войну Василя Быкова – можно, а про свою войну не говорят! Про войну разрешается рассказывать только журналистам и медицинским сестрам. Так что – не спрашивай.

– А как же орден? А как же ранение?

– А-а! Ну, тогда слушай. Я летел по делам, меня сбили случайно какой-то случайной ракетой, я неудачно катапультировался, при падении подвернул ногу, подоспели ребята на вертушке, на вертолете в смысле, и забрали меня. Вот и все! Вывихнутая нога – все мое боевое ранение. В запас или на пенсию меня пока что не отправили, но должность и службу временную вполне пенсионную придумали: я теперь на нашем заводе «Сокол» занимаюсь военной приемкой. Так и маме спокойнее, и с тобой будем чаще видеться.

– Чаше не надо! Дай бог, чтобы и так, как сейчас случается, получалось бы всегда. А не хочешь рассказывать – не говори. Только не верю я что-то, чтобы боевого летчика, майора, в три-

дцать лет на бумажную работу в контору отправили. Значит, кроме вывихнутой ноги еще что-то было? И посерьезнее! Так?

- Так, батя, так! Только хватит об этом! Я не для того к тебе приехал! Лучше – пошли, покажешь мне свои уголья.
- Давай подождем пацанов.

В это время в центр английской лужайки, которую целиком было видно из застекленного фонаря веранды, заполз маленький желтенький «фольксваген». Он встал, двери открылись, но из машины никто не выходил еще пару минут. Но и после того, как водитель и пассажир, два молодых человека почти одного возраста, в майках-футболках и в шортах вышли из машины, они продолжили свою беседу не торопясь и обстоятельно. Это очевидно было потому, что они встали около открытой дверцы, что-то обсуждая и не обращая внимания на приближающегося к ним Семена. Они даже отвернулись от него, когда тот подошел.

А через минуту уже и Роман с Парахиным приветствовали вновь прибывших.

- Ленька, посмотри и подскажи мне – кто этот мощный старик? – продекламировал средний, Володя, разводя для объятия отца свои руки.

Художник обнял своих младших сыновей, а Роман негромко, но очень отчетливо, выбрав момент, произнес:

- Никогда своего папку не называй стариком!
- Почему? – откликнулся Володя.
- Просто так!

Сейчас, когда все три сына стояли рядом с отцом, было видно, какие они разные. Роман – низенький и коренастый, такой крепыш, боровичок, а младшие – оба длинные и худые. Оба они были выше не то что Романа, но и отца своего, только Володя черноволосый, смуглый, что-то восточное было в нем, а Ленька – белобрысая необстроганная жердь.

- Сергей Иванович, – прервал Семен праздник встречи, – извините, прерву и оставляю вас. На сколько дней у вас планы: месяц, две недели, неделя?
- Нет, нет, нет, Семен, только выходные: сегодня суббота, завтра воскресенье, а в понедельник мы дома должны быть. Мы просто сегодня разрабатываем планы на август. И, кстати, Семен, любясь на наши великолепные деревья-памятники, разъясни ребятам да и мне (я тоже не очень хорошо понимаю), почему Венецию поставили на полутора миллионах свай из нашей русской лиственницы. Что у них там, своих лесов было мало? Я был пару раз в Венеции и видел, как из

Средиземного моря по всему ихнему заливу торчат эти сваи из уральской лиственницы: пятьсот лет и никак не сгниют.

- Все понял. Объясню. Чуть позже. А пока я вас оставляю.
- Подожди, Семен. Мы сейчас прогуляемся на речку, на пруд, а вернемся – пообедаем и займемся осмотром дома.
- Понял, через час обед будет готов. А как насчет того, чтобы сегодня на ночь сетки поставить?
- Так сейчас же нельзя – сейчас же нерест у рыбы. Мы потому и планируем нашу серьезную встречу в этом доме на берегу реки на август, когда и рыбалка, и охота, и грибы. А вот ты, Семен, знаешь ли, что в доброе старое царское время во время рыбьего нереста попы запрещали в своих церквях, если храмы у них на берегу реки стояли, в колокола на службу звонить, чтобы у рыбы нервную систему не портить и та могла спокойно отметаться.
- Сергей Иванович, мы же для себя, а не на продажу. И в колокола мы звонить не будем. Я вам не говорил разве, что у меня и в районе здесь все родственники и друзья: и рыбнадзор, и егеря, и охотничья инспекция? А и надо-то нам десяток карасей да десяток окушков на ущицу. А еще хорошо бы и красноперок жирненьких с икрой сотню штук присолить да завялить – повкуснее воблы астраханской будет. Ну, не сетку, а вентеря поставим, их мордами или жаками еще называют. У меня в гараже на стенке несколько штук подвешены – вот их и поставим.

После обеда, уже ближе к вечеру, Семен с Ленькой, взяв резиновую надувную лодку и уже заявленные рыболовные снасти, отправились на машине на заливные озера испытать свою удачу. А Парахин со старшими остался дома: надо было коллегиально обсудить новое приобретение, свалившееся чуть ли не с неба.

8.

Утро образовалось ясное, солнечное, безветренное, совсем летнее.

Рыбаки сгоняли на озера проверить свои сетки, пока старшие братья еще спали. Карасики, лини и окуни, штук тридцать, килограммов десять, хороший, полный полиэтиленовый пакет – было чем похвастаться. После завтрака Роман подбил своих братьев пойти на речку искупаться – батюку своего не стал уговаривать, а тот и не очень-то загорелся. А вот Семен попытался отговорить ребят.

– Не сходите вы с ума, ребята: вода грязная, холодная – это же снег с полей растаявший. И холодная она пока еще: градусов двенадцать, не больше! Вот через месяц будет совсем другое дело.

Но дело молодое – кто тут может что-то советовать. Через час уже мокрые, веселые и довольные, они бегом поднимались по лесенке на участок, радостно декламируя какой-то непонятный рэп. И сколько в них жизнерадостности, энергии, в наших детях. Хотя какие они дети, если вон Роман уже и на войне побывал, и ранение имеет. А для Парахины они все равно дети.

Уха на столе, а хлеба не оказалось ни корки: ну, что для пятерых мужиков с утра буханка хлеба. Ленька первый вскочил из-за стола:

– Я мигом, до ларька и назад, пять минут.

Кнопочный мобильник Nokia Семена запиликал через десять минут. Он взял телефон в руки, поднес к уху и, изменившись в лице, бросился бежать. И побежал он, не кряхтя по-стариковски, а так, как бегают здоровые взрослые мужики – зло и целеустремленно.

– Что-то там случилось, Вова, – обратился к брату Роман, когда Семен уже скрылся, – надо бы сходить, разузнать. Бать, мы мигом!

Они встретили Семена с братом Ленькой на полпути к магазину: те шли как ни в чем не бывало, разговаривая друг с другом, только у Леньки один глаз заплыл свежим и крепким синяком.

– Сейчас домой придем, и я всем и подробно все расскажу, – успокоил старших братьев Семен.

На мобильник Семену двадцать минут назад позвонила Лида, продавщица местного магазинчика, и шепнула ему испуганно, что у паренька вашего проблемы с местными ребятами. Появилась у них в деревне, чего никогда и не бывало в помине, дрянная компания негодяев, которые безобразят и нормальным людям проходу и житья не дают. И верховодит у них некий Валентин, местный мужичок, только что отсидевший срок в тюрьме и недавно вернувшийся.

Когда Семен подбежал к магазину, он увидел, как трое взрослых ребят, а правильнее сказать, что и не ребят, а вполне здоровых взрослых мужиков окружили Леньку. Один из них держал Леньку сзади за руки, а другой шарил у него в карманах джинсов. Третий сидел рядом на корточках, курил и посмеивался.

– А расскажите мне, братцы, что у вас тут происходит? – обратился к собравшимся подбежавший Семен.

– Ты, дядя Семен, проходи мимо, это тебя не касается и ничего тебе тут не обломится, – ответил ему, поднявшись с корточек, третий, сплюнув под ноги, – мы просто попросили у твоего пацана пятьсот рублей на бутылку, а он нам почему-то отказал. Да еще нагло так! Так что ты иди лучше, куда шел.

И по поведению, и по словам Семен понял, что это и есть тот самый отсидевший в тюрьме Валентин, про которого ему говорила когда-то Лида, да только сообразил не сразу – занялся он уже теми двумя, что держали Леньку.

Когда один из хулиганов отмахнулся от Семена, послав его далеко-далеко «по матушке» или его матушку нехорошо помянув, стукнул тот кулаком по лицу наглеца.

Чмокнуло даже. Все услышали, как сочно чмокнуло! И потекла кровь из сломанного носа и из губ, и размазал неосторожно наглец ее по всему своему лицу, и уселся отдохнуть на траву, на то место, где только что Валентин отдыхал.

– Ты зря, дядя Семен, дерешься – можешь и сам огрести, – проговорил стоявший рядом Валентин.

Но Семен не услышал его, он только что увидел руку второго, напавшего на Леньку хулигана, автоматически схватил ее двумя своими и ударил через колено. Рука хрустнула, как дощечка, когда из той щепы для растопки печки готовят. Хулиган заверещал благим матом на всю улицу и тоже уселся рядом с товарищем.

Вся эта битва заняла времени не больше двух минут. Ленька обалдело смотрел на Семена. А Валентин, выковырнув грязным ногтем что-то у себя из зубов и снова смачно сплюнув, проговорил:

– Зря ты так, дядя Семен, коршей моих – авторитет ты мой совсем размазал к едреной матери. Зайду я к тебе сегодня вечером поболтать, жди!

Никто ничего плохого не ждал. Да мало ли в деревнях ссор да драк меж своими бывает, а потом как быльем зарастает. Только зарезал Семена тем вечером Валентин у всех на глазах, еще светло было, зарезал прямо у магазина, где они встретились, чтобы по-мужски поговорить. Ударил своей бандитской финкой с наборной ручкой два раза: в шею и в грудь. Скорую помощь и милицию из района люди сразу же вызвали. Только до районной больницы доездить Семена не сумели – скончался он по дороге от потери крови.

Продавщица Лида прибежала к Парахину поздно ночью, когда и милиция и скорая уже уехали. Вызвала его на крыльцо.

– Вы, Сергей Иванович, человек в городе известный и большой, нам тут про тебя всякого наговорили: и чтобы привечали мы тебя, и чтобы облизывали, и тогда все у нас здорово будет. А вот оно как получилось-то! Совет прямой я тебе дам: уезжайте-ка вы все с утра домой к себе подбирать-поздорову! Да и от греха подальше! Тут у нас свои разборки, и сами мы тут между своими расчитаемся.

Похоронили Семена в его родной деревне. Похороны занималась Анна Евлампиевна. И бабушку она из города привезла, чтобы отпел по-человечески, и поминки она устроила, и на девятый день всей деревней водку пили, хотя церковь это и не одобряет. Зеленцов на этих мероприятиях не появлялся, а Парахину и тем более делать там было нечего. Анна Евлампиевна все ему по телефону рассказала, и про суд, которого ждут, и про то, что Валентин будет снова сидеть.

Только что-то волнительно после этого звонка Сергею Ивановичу стало. Вроде большую полноценную жизнь прожил, а вот – в конце жизни, и такое трудно перевариваемое умом событие: зарезали на улице ножом знакомого человека. Тревожило что-то. Решил он Зеленцову сам позвонить, благо телефон его личный, секретный, который не для всех, Анна Евлампиевна ему секретным образом передала. Зеленцов откликнулся сразу.

- Адольф Николаевич, это Парахин! Помнишь такого?
- Конечно, Сергей Иванович. Не просто помню, а каждый день помню – я же под твоим портретом, то есть под своим, но твоей работы, почти каждый день сижу, и с ним, а значит, и с тобой советуясь.
- Адольф Николаевич, я к тебе никогда с просьбами не обращался, хотя ты мне и рекомендовал когда-то это делать. Так вот, прошу тебя: не предпринимай ничего нехорошего и противоправного ни к Деревне, в которой Семена похоронили, ни к этому дураку, Валентину, которого на днях судить будут. Хотя я понимаю, что Семен для тебя много значил.
- Это как же понимать? Какой-то негодяй зарезал моего товарища, как барана на улице, а Зеленцов проглотит это и утрется еще? А понятия?
- К черту понятия ваши! Не предпринимай ничего! Прощу!
- А что же люди-то про меня говорить будут после этого?
- А никто ничего не скажет. Нет уже на свете людей, которые смогут что-то вякнуть про Зеленцова.

- Не знаю! А если есть еще такие люди?
- А я знаю! Нет таких! Забудь – прошу!
- Хорошо!

9.

Уже сколько лет прошло с тех пор. Если сейчас с трассы мимо глиняной горы свернуть налево и въехать через подъемчик в Деревню на Центральную улицу, то справа останется небольшое кирпичное здание, тот самый магазин, в котором когда-то работала Лида; только теперь он не работает – работает другой, дальше по той же улице. За этой пустующей кирпичной будкой, уже за зданием школы, идет узенькая заасфальтированная дорожка, перекрытая непонятно кем и непонятно зачем солидным шлагбаумом на всячем замке. Никто его никогда не поднимает и не пользуется им, но почему-то и не ломают.

Дорожка эта ведет на тот самый участок, который с некоторых пор вновь стал бесхозным или ничейным, а точнее, не поймешь чьим! Пятьдесят метров, и вот он – главный дом усадьбы, стоит с заколоченными крест-накрест окнами. Крыльцо густо заросло крапивой, полынью и еще каким-то бурьяном. А вот к домику охранника тропинка протоптана. И около лестницы, ведущей вниз, к реке, заметно свежее кострище – кто-то постоянно тут костерок жжет, и ступеньки лестницы под это дело использует: уже половину сожгли.

Да, еще, что любопытно: в вершинках тех самых замечательных и легендарных лиственниц появились вороньи гнезда, штук пятнадцать. Раньше их не было.

3.04.2022

